

III. Выводы

Если свести воедино все импульсы, исходящие от Реформации посредством кодификации права в XVI в., вырисовываются следующие положения⁴⁹:

1. Государство или светское руководство в XVI в. было единственным законодателем (отныне не совместно с церковью как параллельной государству судебной системой);
2. образование является задачей светской/мирской власти;
3. паритет государственных органов;
4. новое основание для попечения бедных;
5. толерантность как государственный принцип;
6. начало свободы вероисповедания и, соответственно, перемещения;
7. автономия (речь о выборах городского священника);
8. наделение правами женщин;
9. новое понимание брака с правом на его расторжение и повторное заключение брака;
10. начало современного правотворчества.

Короткая Т.П.¹

Старообрядчество и протестантизм: из истории проблемы

В многочисленной и многообразной критической литературе, посвященной старообрядчеству, тема сравнительного анализа старообрядчества и протестантизма представлена незначительным количеством работ. Наиболее интересными из них являются работы русских религиозных философов конца 19 – начала 20 века. Актуальность изучения старообрядчества связана с тем, что несмотря на изученность данной конфессии, наличие первоклассных исследований по этому вопросу и сегодня в связи со старообрядчеством встает ряд актуальных и острых вопросов и проблем. Это проблемы традиции и новации в культуре, трактовка прогрессивного и консервативного по отношению к культуре, в целом понимание смысла и сущности истории. Обрядовые споры, инициированные старообрядцами, переросли со временем в вопросы о том, каким образом, идя по пути технического прогресса и модернизации экономики, сохранить национальную самобытность, а социальные реформы при этом были бы

⁴⁷ Сравни Andreas Tacke (Hg.) в связи с Verbindung mit Stefan Rhein и Michael Wiermers: Lucas Cranach 1553/2003. Wittenberger Tagungsbeiträge anlässlich des 450. Todesjahres Lucas Cranachs des Älteren (= Schriften der Stiftung Luthergedenkstätten in Sachsen-Anhalt 7), Leipzig 2007.

⁴⁸ Сравни Elke A. Werner и др. (Hg.): Lucas Cranach der Jüngere und die Reformation der Bilder, München 2015

⁴⁹ Подробнее: Heiner Lück: Konflikt und Konsens – Folgen der Reformation für europäische Muster der politischen Kultur, в: Maik Reichel и др. (Hg.): Reformation und Politik. Europäische Wege von der Vormoderne bis heute, Halle (Saale) 2015, S. 98–131.

¹ *Короткая Татьяна Петровна* [korotkaya_tp@tut.by] – доктор философских наук, профессор кафедры философии Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь) – прим. ред.

органично вплетены в ткань истории и культуры того или иного этноса. Социально-экономические преобразования, произошедшие в последние десятилетия на просторах бывшего СССР, вновь оживили исследовательский интерес к старообрядчеству. В этой связи представляет несомненный интерес сравнительный анализ старообрядчества и протестантизма, предпринятой в русской религиозной философии. Зачинателем этой исследовательской традиции является В.С. Соловьев. Старообрядцам он посвятил несколько статей, обобщающей и наиболее важной в контексте нашего анализа является его статья «О русском народном расколе». Эта статья относится к блоку богословских работ, которые присутствуют в обширном наследии философа. В центре исследовательского интереса Соловьева в данном случае – экклезиологическая проблематика, учение о церкви. Соловьев определяет старообрядцев «протестантизмом местного предания, подобно тому, как у немцев явился протестантизм личного убеждения»². Как известно, Лютер пересмотрел католическую догматику, резко критиковал папство и выдвинул в противовес этому принцип всеобщего священства. Основательный узел протестантской догматики – спасение лишь одной верой, примат Писания, упор на личную веру и божественную благодать. Это привело к радикальным изменениям в теологии, другим смыслом наполнились исходные религиозные понятия – искупление, благодать, вера. По-новому трактуется взаимоотношение человека и бога, упор сделан на личном боге, боге, присутствующем в духовном опыте верующей личности. Верующий человек рассматривается и как праведный и как грешный. И, наконец, церковь понимается как община верующих, а таинства выступают как символы веры. Таким образом, личное убеждение, личная вера – в центре протестантизма. Совершенно по-другому выстраиваются старообрядческие представления. Старообрядцы выступили против церковной реформы, суть которой состояла, как известно, в исправлении обряда, богослужебных книг. В частности, двуперстное крестное знамение заменялось на троеперстное, была изменена орфография имени Христа – вместо «Исус» стали писать «Иисус». Был и еще ряд обрядовых изменений: при совершении обряда крещения или венчания хождение вокруг аналоя «посолонь», т.е. по солнцу, менялось на противоположное; богослужение на семи просфорах заменялось богослужением на пяти, земные поклоны заменялись поясным, менялось церковное пение, архитектура, написание икон. Соловьев отмечает, что поводы раскола, т.е. формы изменения обряда, не относятся к догматике, по его словам, они относятся «более к правописанию, нежели к православию». При этом, главным здесь является то, что на первый план были выдвинуты местные русские обычаи, которые сложились в 16 веке и нашли свое отражение в Стоглаве. Основной порок староверов Соловьев видит в неразличении ими всеобщего, вселенского и местного, временного. Акцентация местных традиций со временем приводит к утрате в старообрядчестве иерархии и таинств. Вторым важнейшим недостатком раскола Соловьев считает (помимо уже отмеченного: упор на местное национально-специфическое) упор на старом, поскольку старо-

² Соловьев В.С. О русском народном расколе. / В.С. Соловьев // Соч: в 2т. – М. 1989. – Т.1. – с.183.

веры полагают, что истинная церковь и полнота предания находится лишь в прошлом. Современная же церковь, ее иерархия, а также большинство мирян, полагают старообрядцы, отступили от прошлого. Однако, спрашивает Соловьев, кто же тогда является носителем предания? Отдельная личность, личная вера и совесть. «И вот, как бы снаружи ни отличалось наше староверие от западного протестантизма, оказывается, что основной принцип того и другого один: личное мнение против вселенского определения Церкви, частное против целого»³. По мнению Соловьева и русский раскольник и западный протестант одинаковы в отвержении целостности и вселенского характера церкви. И то и другое течение, полагает Соловьев существенно отличаясь друг от друга (протестант опирается на букву Священного Писания, а старовер на букву обряда) сходятся на том, что те и другие во главу угла ставят личный дух, личное мнение которое в итоге поглощает и Писание, и обряд. Поэтому, по мнению Соловьева, происходит разрыв богочеловеческой полноты, которая присуща церкви, что и приводит к дроблению староверия и протестантизма на множество течений. Эта статья и позиция, в ней выраженная, примыкают к критическим работам ряда русских богословов, исследователей старообрядчества. Работы эти носили критический характер, в них затрагивалась и экклезиологическая проблематика. Отличие подхода Соловьева состоит, во-первых, в предельной ясности и методической проработке вопроса: церковь определяется как богочеловеческий организм, соединяющий божественное и человеческое начало, а староверы и протестанты трактуются как опирающиеся лишь на человеческое, т.е. обряд и соответственно личную веру. И во-вторых, Соловьев фактически впервые проводит сравнительный анализ этих двух христианских течений, вскрывает общие и отличительные черты, присущие им.

По-другому подходит к освещению этой проблемы В.В. Розанов. Как известно, Розанов не только оригинальный русский мыслитель, но и известный в свое время журналист. Именно в духе журналистского расследования, если употребить современный термин, написан известный его очерк «Русские могилы», где он разбирает мотивы и причины самоубийства членов одной из старообрядческих сект⁴. Помимо этого, отсылки к тем или иным аспектам старообрядчества можно найти и в других его работах по философии культуры. Означенной же темы – старообрядчество и протестантизм – Розанов касается в статье «Психология русского раскола». Общеизвестно, что одной из устойчивых тем Розанова-культуролога была тема противопоставления живой религиозной веры ее словесному понятийному выражению. Его подход противоположен позиции Соловьева, который делает упор на универсально-всеобщие формы церковной организации, критику крайностей индивидуализма, субъективного толкования догматики и культовых предписаний. Историко-культурным фактом является полемика Соловьева и Розанова по вопросу о свободе совести, ряд резких полемических высказываний

³ Соловьев В.С. О русском народном расколе. / В.С. Соловьев // Соч: в 2т. – М., 1989. – Т.1. – с. 184.

⁴ Розанов В.В. Темный лик. Метафизика христианства. / В.В. Розанов // Соч: в 2т. – М.: Правда, 1990. –Т.1.

по отношению друг к другу мы находим в их текстах. В отношении означенной проблемы – старообрядчество и протестантизм – они также занимают разные позиции. Соловьев видит общность подхода старообрядцев и протестантов в трактовке церкви, Розанов же полностью разводит эти направления. Для Розанова исходным и в данном случае является противопоставление словесного, теоретического слоя религиозного сознания живой религиозной вере. Розанов везде противопоставляет безжизненную и абстрактную словесность живому духовному опыту богообщения. По мнению Розанова, номинализм и рационализм, книжность и теоретизирование с особой силой проявились в протестантизме. Христианство становится для протестантов предметом изучения, исследования, но не событием жизни. В этом они кардинальным образом отличаются от старообрядцев. Старообрядцы, по Розанову, «это последние верующие на земле, это – самые непоколебимые, самые полные из верующих»⁵. Они – представители святой Руси «живой крови, непочатой веры». Сила раскола в том, что он не умствует, не рассуждает о вере, а переживает веру, производит святое как акт собственного религиозного опыта. Поэтому, по мнению Розанова, раскол – явление более значительное, более серьезное, нежели Реформация. Решение Аугсбургского сейма, принявшего, как известно, решение – чей ты подданный, ту веру ты и исповедуешь, трактуется им как насилие, «ужасающе поверхностное», жестоко – человек принуждается быть «подданным» в сфере религиозной. «С каким страхом, с каким основательным пренебрежением посмотрели бы наши староверы на западные исповедания, если бы они поняли их и знали их историю. Насколько народное глубже общественного, созидание выше разрушения, вера прочнее скепсиса, настолько движение нашего раскола глубже, во всяком, случае серьезнее, реформации»⁶. Таким образом, Розанов исповедует здесь своеобразное религиозное народничество. Он недооценивает значение богословского знания, теоретического слоя религиозного сознания. И народное, и книжное должны быть соединены в целостном опыте жизни верующей личности. Он слишком схематично и односторонне представляет историю протестантизма. Ведь и в этом направлении были и есть свои носители целостного религиозного опыта жизни, протестантизм нельзя сводить лишь к понятийно-словесному. Его позиция характерна для целого блока критической литературы, которая сформировалась в 19 веке в России. В старообрядцах эти авторы увидели хранителей древнерусской святости, даже возможность создать на основе старообрядческих установок и ценностей новую самобытную цивилизацию (В. Кельсиев).

Совершенно по-иному посмотрел на эту проблему С.Н. Булгаков. В 1909 году выходит в свет его большая статья «Народное хозяйство и религиозная личность», в которой он касается темы старообрядчества и протестантизма. Общеизвестно, что Булгаков являлся не только выдающимся религиозным философом, богословом, но также профессиональ-

⁵ Розанов В.В. Психология русского раскола. / В.В. Розанов // Соч: в 2т. – М.: Правда, 1990. – Т.1. – с. 49.

⁶ Розанов В.В. Психология русского раскола. / В.В. Розанов // Соч: в 2т. – М.: Правда, 1990. – Т.1. –с. 48.

ным ученым – экономистом. В этот период он работает над своим первым крупным философским трудом – исследованием «Философия хозяйства», которая вышла в свет в 1912 году. В этой книге содержится первый вариант его оригинальной религиозно-философской системы – софиологии. Написанная им статья содержит ряд тем, обсуждаемых как в упомянутой книге «Философия хозяйства», так в той или иной мере в других его работах. Так, например, один из разделов его работы позднего периода творчества – «Православие» – посвящен специально рассмотрению отношения православия к хозяйственной жизни, также одной из важнейших идей его последующего творчества является идея аскетизма как основы созидания культуры. Именно поэтому статья данная посвящена ключевым проблемам экономической науки, их философскому осмыслению. Прежде всего, он обращается к методологии изучения социальных явлений и в этой связи разбирает понятие «человек экономический». Булгаков подчеркивает, что данная абстракция имеет эвристическую значимость, она работает в рамках определенного исследовательского подхода, который строится на основе принципа утилитаризма. Однако, по его мнению, в современной науке происходит абсолютизация данного подхода, более того, человек трактуется не как целостное существо, обладающее эмоциональными волевыми эстетическими отношениями к действительности, а именно как урезанный однобокий «экономический человек» вообще. «Между «экономическим человеком» – условностью политэкономии, и человеком вообще ставится знак равенства, а то, что не вменяется в намеченную рамку ... урезается, при этом безжалостно истребляется все индивидуальное и конкретное. В действительности «экономический человек» есть лишь одна лишь, хотя и очень важная сторона человеческой личности»⁷. Хозяйство, полагает ученый, есть не только механизм, но и живое творческое начало, нельзя разделять экономическую и духовную деятельность. Поэтому для Булгакова здесь важно подчеркнуть во-первых, ограниченность подхода классической политэкономии (Бентам, Рикардо), видящим в основе хозяйственной деятельности лишь стремление к получению прибыли, а во вторых, он разрабатывает, как уже отмечалось в этот период свою философию хозяйства, исходными постулатами которой является понимание хозяйства как творческой свободной деятельности, в основе которой не абстракция экономического человека вообще, а живая и многомерная человеческая личность. Фактически здесь Булгаков ставит проблему, активно обсуждаемую и сегодня – проблему этических оснований хозяйственной деятельности. К концу XX столетия этика бизнеса стала одним из актуальных направлений научных исследований. В научном сообществе начинает преобладать позиция, что этическое поведение, т.е. соблюдение определенных морально-этических стандартов, является экономически целесообразным и в конечном итоге экономически выгодным. По мнению Булгакова, бентамизм, голый утилитаризм разрушает этическую самодисциплину, которая лежит в основе всякого профессионального труда. А именно наличие высших этических

⁷ Булгаков С. Народное хозяйство и религиозная личность / С. Булгаков. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. // Соч. в 2т. – М., 1911. – с. 181.

и в конечном счете религиозных ценностей, нравственных обязанностей в сфере профессионального труда способствуют развитию социально-экономическому. «Нужно понять, – подчеркивает Булгаков, – что и хозяйственная деятельность может быть общественным служением и исполнением нравственного долга, и только при таком к ней отношении и при воспитании общества в таком ее понимании создается наиболее благоприятная атмосфера как для развития производства, так и для реформ в области распределения, для прогресса экономического и социального»⁸. Поэтому абсолютным закономерным является рассмотрение Булгаковым в данной статье концепции Макса Вебера. Как известно, М. Вебер показал взаимосвязь религиозных представлений и практического поведения приверженцев протестантизма. Весьма плодотворными оказались его идеи «мирского аскетизма», выработки в протестантской этике понимания труда, профессиональной деятельности как призвания, дела богоугодного. Излагая учение Вебера, Булгаков подчеркивает, что в протестантизме уничтожается противопоставление светского и мирского, при этом светские занятия, в том числе предпринимательская деятельность, рассматриваются как исполнение религиозных обязанностей. Поэтому в повседневной жизни у человека должен постоянно присутствовать самоконтроль – отсюда формируется методизм, жесткий распорядок жизни, который проявляется прежде всего в процессе профессиональной деятельности. Не труд сам по себе, но рациональный методический труд требуется от личности. У колыбели современного экономического человека стоит мирской аскетизма. Булгаков говорит о необходимости проводить исследования религиозно-этических основ психологии русской промышленности. «Известна, – подчеркивает он, – например, особенно близкая связь русского капитализма со старообрядчеством, к которому принадлежат предшественники целого ряда крупнейших русских фирм. Выяснение характера этой связи, вообще изучение влияния вероисповедных различий на хозяйство было бы весьма интересно»⁹. Однако он полагает, что связь религиозного сознания и экономической деятельности должна быть приурочена не только к определенной догматике. Она должна строиться на анализе практических выводов и постулатов религии, а также учитывать социокультурные условия, конкретные исторические обстоятельства существования той или иной конфессии.

Сегодня среди ученых нет однозначного ответа на вопрос, насколько верным и продуктивным является применение веберовской концепции при анализе хозяйственной деятельности старообрядчества, православия, других религиозных течений. В этом дискуссионном вопросе идеи русских религиозных философов имеют несомненную научную значимость, поскольку содержит ряд принципиальных и точных положений методологического и теоретического порядка.

⁸ Булгаков С. Народное хозяйство и религиозная личность / С. Булгаков. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. // Соч. в 2 т. – М., 1911. – с. 204.

⁹ Булгаков С. Народное хозяйство и религиозная личность / С. Булгаков. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. // Соч. в 2 т. – М., 1911 –с. 198.

